

УДК 796.5 (075.8)

**СПОРТ ВЫСШИХ ДОСТИЖЕНИЙ И ТЕЛЕСНАЯ
ИНСТРУМЕНТАЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ЭТИЧЕСКИХ
ИДЕОЛОГИЙ ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ**

В. А. Костенич

(МГУ имени А. А. Кулешова, Могилев, Беларусь)

В статье сформулированы размышления по поводу исторических перспектив развития спорта высших достижений и этики «честной игры» в эпоху доминирования аксиологий экономической и политической целесообразности и превращения тела спортсмена в биотехнологический симулякр многочисленных допинговых интриг.

Ключевые слова: спорт, дилеммы самоопределения, этика утилитаризма, целесообразность, модусы результата, телесные инсталляции, биотехнологические рекогносцировки допинговых побед.

Осмисливая социальные контексты феномена «честной игры» (*fair play*) в современных культурно-исторических условиях, приходится изначально констатировать, что спорт высших достижений оказывается (с этической точки зрения) достаточно сомнительным цивилизационным образованием. Спортсмен выступает здесь (*де факто*) в качестве своеобразного «индивидуального предпринимателя», заинтересованного в максимально выгодных для себя («политэкономических») условиях экспликации собственной «потребительской стоимости». В этой связи, «победа в состязании» обретает целый ряд и традиционных, и нетривиальных коннотаций аксиологического и психосоматического масштаба.

В своё время Макс Вебер сформулировал типологию нормативных мотиваций «социального действия», среди которых он особо выделял:

а) *целерациональное* поведение — когда предметы и(ли) люди экспонируются как средства для достижения собственных утилитарных целей, а субъект без моральных сантиментов выбирает прагматически эффективный вариант её процессуального достижения. Это *модель бизнес-проекта*, предполагающая скрупулёзную калькуляцию «телесных трат» и «идеологических обязательств», камуфлируемая, в лучшем случае, в этикетные упаковки имиджевых отбеливателей;

б) *ценностно-рациональное* поведение — которое определяется принципиальной верой в (само)ценность определённого действия, *не вязнущего в трясине соображений успеха* и совершаемого «*во имя*» какой-либо (сакрализованной) ценности, инспирированной интенциями чести и достоинства [1, с. 628]. Здесь «результат» как фетишизированная сущность утрачивает идолопоклоннический статус, а репутационная парадигма выходит на авансцену самостного визирования. Иначе говоря, «...этическим эффектом обладает не победа над противником, а борьба с ним такая, которая превращает в «высших человеков» обоих борцов... Этическое значение победы – отражённое. Оно – след, оставленный в ней этикой борьбы» [2, с. 313].

«Субъект-объектным» двуликим Янусом спортивных единоборств выступает *человеческая телесность*, задающая своей «материей» и соревновательными хронотопами визуальные эффекты страстей

и триумфа. *Телесность не сводима к телу*. Она использует тело для трансляции знаково-символических посланий внутри коммуникативного дизайна человеческих игр и зрелищ, наделяя последние тактильностью соучастия. В целом же, социокультурное производство тел «...может преследовать две основные цели: 1) формирование тела как инструмента (особенно ярко это проявляется в профессиональной сфере, например, в театре, спорте, танце); 2) создание тела как самоцели или как эстетического проекта (это вписывается в индивидуальные проекты, в перформативные практики современного искусства, в сферу моды)» [3, с. 152].

Тело спортсмена – это фундаментальный архетип его «идентичности» и одновременно «товарный бренд» для социальной эксплуатации на рынке спроса и предложения. Посредством *тела как инструментальной оптики*, спортсмен становится «публичной личностью», рекламирующей на подиуме общественных отношений себя самого, свою корпоративную собранность, расовую и национальную этничность, этику победы и эстетику поражения. *Телесность же мимикрирует под тело*, либо смакуя его напоказ в аристократических дуэлях «героических испытаний», либо подставляя под миражи «шоу-иллюзий» заказного пафоса и скомпилированных практик гладиаторской одержимости.

В эпоху спорта высших достижений тело спортсмена зачастую рассматривается в оптике «ресурса», имеющего ограниченные возрастные интервалы применимости и потому доступного для интенсивных физи(ологи)ческих нагрузок и допинговых экспериментов. «Спортсмен оказывается предьявлен сам себе в качестве и моральной ценности, и телесного актива, который можно усилить с помощью биотехнологических манипуляций и выставить на продажу на рынках труда профессионального спорта» [4, с. 295].

Подобная аксиологическая установка плотно (и плотски) коррелирует с философией «*трансгуманизма*», адепты которой в полном соответствии с постмодернистскими мантрами о «смерти всех мировоззренческих Абсолютов» (Бога, субъекта, автора, *совести*), доводят кощунственную казуистику своих футурологических предсказаний и до Человека, предрекая ему эволюционное вырождение и замену иными «*техносубстратами разума*» (информационными матрицами и *киборгами как их факультативными телами*). Как пишет по данному поводу М. Эпштейн, «...Лучшее, на что может надеяться человек как биологи-

ческая форма разума, – это на свою внутреннюю технизацию, которая дополнит технизацию и роботизацию всего социума... Вслед за природой, которая интегрируется в состав растущей всепланетной цивилизации, и человек будет все более восприниматься в модусе редкости, как замкнутый биоценоз, встроенный в более могущественную техническую среду» [5, с. 93; 106].

Встроим и мы в некое общее смысловое поле два (внешне автономных друг другу) «модульных пазла» из мифологической традиции и современной нам истории спорта. Так, известные из праисторического прошлого *кентавры* символизируют собой архаическую идею нерасторжимой дополнительности природного и человеческого начал в нашей социальной экзистенции, облучая её мощью биологической витальности и целерациональной дерзости. По сути, кентавры бесполы в проекции гендерной проблематики и телесно деформированы в плане своих марафонских ресурсов выносливости перед лицом «охотничьих угодий бытия». Они – образцовые воины первородных ристалищ, лишённые «достоевщины преступления и наказания», идолы схватки за жизнь, как победы любой ценой. Но ведь всё вышесказанное (без особых швов) вписывается и в современные дискуссии вокруг допинговых подполий профессионального спорта и его трансгендерных новаций. Гонка за результатом в режиме стимуляций и симуляций биологически обусловленной плоти превращает спортсмена в кентавроподобное существо, готовое рисковать своим природным естеством и от рождения данными половыми конституциями ради денежного вознаграждения и пировых пьедесталов лицезмерных побед.

Параллельно, можно вспомнить небезызвестный «*казус Писториуса*», продемонстрировавший тренды технологических инсталляций в спортивную телесность. Анатомия победы перестает быть производной от анатомии телесной тренированности и становится сконструированной анатомией допинг-протеза. Мы полностью солидарны с мнением О. В. Поповой, полагающей, что «в наши дни происходит становление модели человека-с-протезом, вне зависимости от того, какого рода и вида будет этот протез: иметь форму внешнего инструмента, усиливающего человеческие физические качества, или же невидимого чипа, стимулирующего определённые зоны мозга в целях концентрации внимания, или лекарства, резко повышающего физические возможности индивида, или же средства, принявшего форму генетического допинга, повышающего выносливость и спортивные способности» [4, с. 298].

Реанимируется гамлетовский вопрос «быть или не быть» спорту высших достижений как институту этической добропорядочности и сфере неантагонистической (конкурентной) апробации правил «честной игры» в эпоху повального прагматизма, национальных амбиций и соблазнов успеха любой ценой. Если да, тогда необходимы мировоззренческая селекция и *этическая прививка неких корпоративно-универсальных ментальных святынь и стандартов ценностно-рационального поведения*, препятствующих самоубийственной аннигиляции самого духа спорта как выразительного столкновения телесной мощи в ауре неподкупного достоинства. Как нам представляется (выражаясь языком кантовской деонтологической традиции), в качестве «категорического императива» моральной вменяемости каждого спортсмена можно было бы выдвинуть принцип: «Делай то, чего могли бы желать все, включая тебя, и чего не мог бы сделать никто, за исключением тебя» [6, с. 484]. А в роли «корпоративной максимы» коммуникативной верификации этого этического постулата нравственный посыл: «Прибыль важнее всего, но честь дороже прибыли. Стремись завоевать и поддерживать репутацию честного, компетентного и порядочного партнера. Будь таким, каким ты сам хочешь видеть своего лучшего партнера» [7, с. 45].

В противном случае, спорт обречён...

Список использованной литературы

1. Вебер, М. В Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденоко / М. В. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – 808 с. – (Социологич. мысль Запада).
2. Капустин, Б. Г. Моральный выбор в политике : учебное пособие / Б. Г. Капустин. – М.: КДУ: Изд-во МГУ, 2004. – 496 с. – (Политический разум и практика политики / отв. ред. Б. Г. Капустин).
3. Тема «живого тела» в истории философии : материалы научной конференции (Институт философии РАН, май 2015 г.) – М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 2888 с. – (Серия «Humanitas»).
4. Попова, О. В. Тело как территория технологий: от социальной инженерии к этике биотехнологического конструирования: монография / О. В. Попова. – М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2021. – 336 с.
5. Эпштейн, М. Н. Будущее гуманитарных наук: Техногуманизм, креаторика, эротология, электронная филология и другие науки XXI века / Михаил Эпштейн. – М. : Группа Компаний «РИПОЛ классик» / «Панглоссо», 2019. – 239 с. – (Серия «ЛекцииPRO»).
6. Проективный философский словарь: Новые термины и понятия / под ред. Г. Л. Тульчинского и М. Н. Эпштейна. – СПб.: Алетея, 2003. – 512 с. – (Серия «Тела мысли»).
7. Корпоративная этика : учебное пособие / авт.-сост. И. Н. Кузнецов. – М.: Издательство деловой и учебной литературы, 2003. – 480 с.